



УДК 343.2/7



Александр Геннадьевич РАИЦКИЙ,
председатель Ленинского районного суда г. Красноярск
raitscky2016@yandex.ru

ПРИЗНАКИ СОУЧАСТИЯ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

THE SIGNS OF COMPLICITY IN THE HISTORY OF RUSSIAN LEGISLATION

В статье рассматриваются основные этапы развития института соучастия в уголовном праве. Анализируются различные правовые механизмы расследования преступлений, совершенных в соучастии. Проанализированы изменения, внесенные в УК РФ, и их предпосылки.

The article considers the main stages in the development of the notion 'complicity' in Criminal law. The various legal mechanisms of investigating crimes committed in complicity. The amendments made to the Criminal Code of the Russian Federation as well as their prerequisites are analyzed.

Ключевые слова: соучастие, групповая преступность, преступная организация, признаки соучастия, предварительное расследование.

Keywords: complicity, group crime, criminal organization, signs of complicity, preliminary investigation.

В современных условиях борьба с организованной преступностью актуальна как в России, так и во всем мире, что обусловлено особой опасностью этого вида преступлений, представляющих сложность в процессе доказывания. Рассмотрение истории развития института соучастия дает возможность более полно понять сущность соучастия, обеспечивает преемственность идеи и разработок, которая необходима в научных исследованиях. [1, с. 148]

Как отмечает С.Н. Кабельков, необходимость обзора исторически сложившегося опыта была отмечена еще Николаем I, который говорил, что "...недостаток результатов (прежних работ) происходил, главнейше, от того, что всегда обращались к сочинению новых законов, тогда как надо было сперва собрать вполне и приве-

сти в порядок те, что уже существуют" [5, с. 187].

Историю развития института соучастия в русском и советском праве достаточно полно раскрыли А.Н. Трайнин и М.И. Ковалев. [6; 13]

Первые упоминания о соучастии, по нашему мнению, можно найти в Русской Правде, в ст. 31 и ст. 40 краткой редакции которой были установлены размеры ответственности в случае совершения кражи группой лиц. Так, ст. 31 по академическому списку содержит указание о трехкратном увеличении платы ("по три гривне и по 30 резан") для участников групповой кражи "коня, вола или клетки". Статьей 40 была установлена продажа (штраф) в 60 резан для каждого из соучастников, независимо от их числа, за групповую кражу скота и вознаграждение за поимку преступ-



ников. При этом, как указывает М.Ф. Владимирский-Буданов, "Русская Правда знает только преступное сообщество и карает каждого преступника в равной мере... за преступление, совершенное сообществом, каждый участник карается так, как если бы он один совершил его... Русская Правда не повышает уголовной ответственности при сообществе, как ныне действующее право" [2, с. 314].

Русская Правда является подтверждением необходимости выделения случаев групповых преступлений, однако институт соучастия в преступлении как самостоятельная юридическая категория возникает позднее. А вознаграждение за поимку преступников необходимо рассматривать как процессуальный инструмент борьбы с групповыми преступлениями.

В ст. 9 Судебника 1497 г. определен круг особо опасных преступников, в числе которых выделен "подымщик". Интерпретация этого термина неоднозначна. [16, с. 427] Так, используя убедительные аргументы, А.В. Покаместов пишет: "деятельность подымщика вероятнее всего выражалась в возбуждении массового возмущения, возглавлении бунтов, восстаний. ...По сути, деятельность подымщика... представляет собой организацию массовых выступлений в современном понимании" [11, с. 176].

Первое упоминание об установленном разграничении ролей соучастников появилось лишь в середине XVI в. Так, Губная Белозерская грамота 1539 г. содержит данные о значительном количестве разбоев, убийств, поджогов в Белозерском уезде. Статьи 2, 5, 8 грамоты свидетельствуют о существовании разбойников, их покровителей и предводителей. Деятельность покровителей и предводителей разбойников следует понимать как соучастие в преступлении в виде пособничества в соответствии с современным законодательством. Белозерская грамота является единственным документом того времени, который обозначил признаки соучастников преступлений.

В соответствии с позицией М.Ф. Владимирского-Буданова [2], следует отметить, что в XVI в. развитие института соучастия в преступлении находилось в начальной стадии. Групповое преступление законодательно регламентировалось, однако не было разграничения форм соучастия и видов соучастников. Не существовало соучастия как понятия, не было определенных признаков соучастия, а также не был установлен предмет доказывания по делам о преступлениях, совершенных группой лиц.

Позже появляется более четкое разграничение соучастия. Так, уголовное право Московского государства XVII в. определяет соотношение воли нескольких деятелей в одном преступлении гораздо полнее. "В отношениях интеллектуального виновника ("подустителя") к физическому (исполнителю) различается приказание господина своему слуге, которое не освобождает последнего от наказания, но смягчает его. Так, слуги, произведшие "надругательство по наученью господина", подвергаются битью кнутом, а слуги, совершившие это преступление "собою, не по чьему наученью", подлежат смертной казни" (гл. 49 Стоглава). В остальных случаях исполнитель наказывается или строже, чем "подуститель", или наравне с последним. "Подуститель" понимается как подстрекатель.

Различие между главным виновником, т.е. лицом, непосредственно совершившим преступление, и его соучастниками (товарищами) при совершении группового преступления выделяет Уложение царя Алексея Михайловича (Соборное уложение 1649 г.). Помимо исполнителя и подстрекателя (гл. XXII, ст. 12, 19) Соборное уложение предусматривает ответственность за пособничество в виде "подвода" – указания средств для совершения преступления и "поноровки" – устранения препятствий при его совершении. Пособничество и подстрекательство при этом наказываются в той же мере, что и исполнительство. Так, ст. 133 гл. X Соборного уложения говорит: "Да будет сыщется про то допряма... убил то сам, или по его наученью кто иной то смертное убивство учинит, и того убойца само-



го, и кого он на такое убойственное дело научил, самих казнити смертью же, безо всякого милосердия". Первым случаем выделения особенностей предмета доказывания ("да будет сыщется про то допряма...") по делам о групповых преступлениях можно считать указание в правовой норме на обязательное установление самостоятельно возникшего умысла или наличия подстрекателя.

В некоторых случаях Соборное уложение предусматривает ответственность и за прикосновенность к преступлению. Ему известны такие виды прикосновенности к преступлению, как "стан" – постоянное содержание укрытия преступников, "приезд" – предоставление временного убежища разбойникам (указанные виды караются наравне с разбоем), "поклажея" – прием на хранение вещей, добытых преступлением, и покупка таких вещей (последняя влекла за собой гораздо более мягкое наказание). В Соборном уложении имеются также нормы, предусматривающие ответственность за укрывательство преступлений, которое является самостоятельным преступлением, при этом близкие родственники преступника за недонесение наказывались наравне с ним.

Н.Г. Иванов, анализируя нормы данного документа, подчеркнул, что в ст. 198 Соборного уложения наравне с объективным признаком соучастия – участием в преступлении нескольких лиц, выделяется и субъективный признак – умышленное участие. При этом, по мнению Н.Г. Иванова, "Современная уголовно-правовая доктрина не внесла ничего принципиально нового в определение основных признаков соучастия по сравнению с определением, предлагаемым в Соборном уложении" [4, с. 413]. Ряд авторов считают данное утверждение спорным в силу излишне эмоциональной окраски современного законодательства. С точки зрения А.В. Покаместова, автор придает важное значение тому, что "именно с момента издания Соборного уложения мы вправе говорить о соучастии как самостоятельном институте в отечественном уголовном праве" [11, с. 176].

Предполагается, что Соборное уложение 1649 г., впервые определив и формализовав признаки соучастия, установило круг обстоятельств, которые подлежат установлению при преступлении, совершенном группой лиц.

Следующий этап развития признаков соучастия связывается с включением в Артикул воинский 1715 г. (артикулы 2, 160) положения о подстрекателе как виде соучастника в его современном значении: "Кто чародея подкупит, или к тому склонит, чтоб он кому другому вред учинил, оный равно так как чародей сам наказан будет", при этом больший интерес вызывает толкование к данной норме: "Что один через другаго чинит, почитается так, яко бы он сам то учинил". Также был указан "зачинщик" – организатор преступления в соответствии с артикулами 19, 120, 133 и т.д. Зачинщик в ряде случаев нес ответственность более тяжкую, нежели другие участники преступления (например, артикул 19).

Наибольшее развитие в дореволюционный период русского права институт соучастия получил в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и в его редакциях 1857, 1866, 1885 гг., Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Военно-уголовном кодексе 1875 г., Финляндском уложении и позднее в Уголовном уложении от 22 марта 1903 г. Нами он определен, как четвертый этап развития признаков соучастия.

Впервые в истории российского законодательства Уложение о наказаниях уголовных и исправительных выделяет Общую и Особенную части уголовного права. В Общей части – разделе "О преступлениях, проступках и наказаниях вообще" – закрепляются признаки зачинщика – лица, "которое, умыслив содеянное преступление, согласило на то других, и то, которое управляло действиями при совершении преступления или покушении на оное, или же первое к тому приступило". Среди зачинщиков выделяются физические зачинщики – управляющие другими или первые приступившие (подавшие пример) к совершению преступления и интеллектуальные –



замыслившие преступное деяние и склонившие к нему других. [12, т. 1, с. 355] Данные определенные признаки – это обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам о преступлениях, совершенных в соучастии, которые должны были быть установлены.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных впервые в отечественном уголовном праве вводит понятие "соучастие особого рода", однако не дает юридического определения этого правового феномена. Глава 6 Уложения "О тайных обществах и запрещенных сходбишах" закрепляет ответственность "основателей и начальников тайных под каким бы то ни было наименованием обществ".

Также Уложение различает соучастие без предварительного соглашения ("скоп") и соучастие по предварительному соглашению, которое возможно в двух формах – "заговор", то есть простое соучастие, основанное на предварительном соглашении, и "шайка", то есть соглашение на совершение целого ряда преступлений. Создание такой "шайки" было преступным деянием, что характеризует ее приближенной к современным понятиям "банда", "преступное сообщество", "преступная организация". Кроме того, законодательство предполагает различие между "составителями шайки" (то есть организаторами), "вступившими в шайку" и "знавшими о составлении шайки". А также различаются главные виновники и участники в "заговоре" – зачинщики, сообщники, подговорщики (или подстрекатели), пособники в соучастии без предварительного сговора.

Понятие "шайка", установленное Уложением о наказаниях уголовных и исправительных, является значительным для исследования признаков института соучастия в истории отечественного законодательства. Именно это понятие впервые вызвало дискуссию о признаках данного явления и, следовательно, о предмете доказывания по делам данной категории. Следовательно, установление существенных признаков форм соучастия и видов соучастников и является установлением

предмета доказывания и его пределов для данной категории преступлений.

В соответствии с позицией юристов того времени признаками преступной группы, которые давали возможность характеризовать ее как "шайку", были следующие:

1) шайка предполагает соглашение на несколько преступных деяний, соглашение, не периодически повторяющееся, а вообще на преступную деятельность [12, с. 355];

2) шайка определяется постоянным характером сообщества, обращением членами шайки их преступной деятельности как бы в ремесло [9, с. 386];

3) под шайкой понимается вид преступного сообщества, участники которого решили совместно совершить несколько (может быть неопределенное число) преступлений.

В Особенной части Уложения о наказаниях уголовных и исправительных выделялись "специальные постановления о шайках" и нормы, увеличивающие ответственность при совершении отдельных преступлений шайкой, что, по мнению С.В. Познышева, стало причиной неоднозначности в трактовке понятия "шайка". Так, было установлено, что существование шайки, организованной для одного преступления, тоже возможно. [11] Рассматриваемое положение является значимым в связи с соотношением с положениями ч. 3 ст. 35 УК РФ, в соответствии с которыми преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Значимость данного факта связана с тем, что уже в то время такой подход к определению шайки представлялся весьма спорным и подвергался критике. [7, с. 208]. Данное противоречие было устранено в ч. 2 ст. 52 Уголовного уложения в редакции 1903 г.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных установлено понятие прикосновенности к преступлению; различается прикосновенность как элемент соучастия и прикосновенность как самостоятельный состав преступления, когда применя-



ются отдельные статьи Особенной части Уложения, Мирового устава и т.д. – попустительство, укрывательство преступника, следов преступного деяния, вещей и недоносительство.

Уголовное уложение 1903 г. устранило двойную терминологию, рассматривая прикосновенность исключительно как самостоятельный состав преступления. Кроме того, именно данный законодательный акт дал развернутое определение соучастия: "учинение деяния несколькими лицами, согласившимися на его совершение или действовавшими заведомо сообща", определяя, таким образом, сговор как обстоятельство, образующее относительно самостоятельный элемент предмета доказывания по делам данной категории.

В соответствии с Уголовным уложением 1903 г. соучастниками признавались те лица, которые: "1) непосредственно учинили деяние или участвовали в его выполнении; 2) подстрекнули другого к соучастию в преступном деянии; 3) были пособниками, доставлявшими средства или устранявшими препятствия, или оказавшими помощь учинению преступного деяния советом, указанием или обещанием не препятствовать его учинению или скрыть оное", и, следовательно, именно эти признаки составляли совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании групповых преступлений. Уголовная ответственность соучастников, деятельность которых в совершении преступления признавалась несущественной, значительно смягчалась, а соучастник, отказавшийся от участия в совершении преступления и принявший меры к предотвращению преступного деяния, вообще освобождался от уголовной ответственности.

Новый этап в развитии России, начавшийся в 1917 г., ознаменовался попыткой практически полностью отказаться от совершенствовавшихся на протяжении почти тысячи лет законодательных норм и принципов. Так, Декрет Совета народных комиссаров РСФСР "О суде" № 1 в ноябре 1917 г. отменил действие старых законов, если они противоречили революционному

правосознанию. Более того, Декрет "О суде" № 3 от 20 июля 1918 г. и Положение "О народном суде РСФСР" прямо запрещали ссылки на любые законы свергнутых правительств.

Однако отказаться от объективно существующей реальности новой власти не удалось, и уже первые декреты Советской власти, направленные на борьбу с различными контрреволюционными проявлениями, указывали на соучастие и соучастников при совершении отдельных видов преступлений. К соучастникам, наряду с исполнителями, подстрекателями и пособниками, относились организаторы, вожди и вдохновители контрреволюционных выступлений. Вполне очевидно, что данное правовое явление было вызвано суровой необходимостью. Как отмечает Г.В. Швеков, "беспощадная борьба с контрреволюцией, а именно в этом заключалась в тот период главная задача Советской власти, требовала принятия самых решительных мер по ликвидации заговоров, мятежей, восстаний, представляющих формы коллективной антисоветской деятельности" [15, с. 423].

Декреты новой власти, как правило, были направлены на борьбу с конкретными проявлениями вооруженного сопротивления режиму, саботажа и иной антисоветской деятельности. В силу этого, а также из-за отказа от использования предшествующего опыта эти декреты не содержали какого-либо общего определения соучастия, не раскрывали особенности деятельности различных видов соучастников, а ограничивались лишь перечислением видов соучастников и устанавливали принципы их ответственности. Ярким примером такого документа является постановление кассационного отделения ВЦИК от 6 октября 1918 г. "О подсудности революционных трибуналов". Данное постановление, носящее в основном уголовно-процессуальный характер, давало определение контрреволюционной преступной организации и устанавливало, что к лицам, виновным в участии в контрреволюционных преступных организациях, прежде всего относят-



ся организаторы.

Не менее важным является декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. "Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении". Этот, уголовно-процессуальный в своей основе, правовой акт, не устанавливая каким-либо образом рамок предмета доказывания по делам интересующей нас категории, определял ответственность за участие в шайке (банде), составившейся для убийств, разбоя и грабежей, за пособничество такой шайке и укрывательство ее.

Явная потребность обеспечения единообразного применения уголовного законодательства на подконтрольной органам новой власти территории диктовала необходимость приведения уголовно-правового законодательства в логически стройную систему. Первым сводом уголовного законодательства революционного периода стали Руководящие начала по уголовному праву, принятые в 1919 г. Именно они содержали законодательное определение понятия соучастия в преступлении, хотя и очень узкое. Так, ст. 21 регламентировала ответственность за деяния, совершенные сообща группой лиц (шайкой, бандой, толпой). Уголовной ответственности в этом случае подлежали исполнители, подстрекатели и пособники, причем меры наказания соучастникам назначались в зависимости от степени опасности личности преступника и совершенного им деяния, степень же участия в совершении им преступления не учитывалась. Статьи 22-24 содержали определения указанных видов соучастников. Исполнителем признавалось лицо, принимавшее участие в выполнении преступного действия, в чем бы оно ни заключалось, подстрекателем – лицо, склоняющее к совершению преступления, а пособником – лицо, не принимающее непосредственного участия в выполнении преступного деяния, но содействующее выполнению его "словом или делом", в том числе и попустительством, то есть непрепятствованием совершению преступления. Такой, явно упрощенный, подход к определению признаков, составляющих особенности предмета дока-

зывания по делам исследуемой категории, разумеется, не мог способствовать единообразному применению уголовного законодательства.

Это положение существовало относительно недолго. Уже в 1922 г. первый Уголовный кодекс РСФСР установил, что при определении меры наказания необходимо учитывать не только степень опасности деяния, но и степень участия в совершении преступления. В качестве соучастников указывались исполнитель, подстрекатель и пособник. Попустительство в качестве пособничества не рассматривалось. При этом в ряде статей Особенной части предусматривалась ответственность за организаторскую деятельность как самостоятельное преступление (например, ст. 58, ст. 65, ч. 1 ст. 75, ст. 76 и др.).

УК РСФСР 1922 г. известно и соучастие особого рода. Так, ст. 76 предусматривала ответственность за организацию банды. Причем понятие "банда" во многом совпадает с современным определением данного явления (ст. 209 УК РФ). Под бандой в соответствии с рассматриваемой нормой следовало понимать "вооруженную шайку, организованную с целью совершения разбойных нападений и ограблений, налетов на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения железнодорожных путей". Бандитизм определялся как "соглашение между собой нескольких лиц на постоянное совершение преступных действий".

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. практически не внес каких-либо принципиальных изменений в законодательное определение форм соучастия и видов соучастников в преступлении. Данный нормативный акт указывал на три основных вида соучастников – исполнителя, пособника и подстрекателя. Однако в некоторых статьях Особенной части устанавливалась и ответственность за организацию преступлений. Наибольший интерес представляет подход УК РСФСР 1926 г. к понятию бандитизма в силу того, что он, по сути, определяет предмет доказывания по делам данной группы. Под бандой понималось объе-



динение, направленное на совершение нескольких конкретно еще неопределенных преступлений. [10, т. 2, с. 323] При этом, наверное, впервые в отечественной уголовно-правовой науке получает развитие такой крайне важный для данного исследования признак организованной группы, как устойчивость. Данный признак связывался, в первую очередь, с количеством задуманных и совершаемых преступлений. [8, с. 159] М.Д. Шаргородский прямо указывал: "Для наличия банды требуется, чтобы группа была устойчивой, чтобы она была создана не для осуществления одного акта нападения, а для постоянной или временной деятельности, рассчитанной на неоднократность совершения преступных действий" [14, с. 157].

Определенный интерес в рамках рассматриваемой темы представляет Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. "Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества", который в п.п. 2 и 4 устанавливал повышенную ответственность за преступления данной категории, совершенные организованной группой (шайкой).

Дальнейшее развитие институт соучастия получил в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., а затем и в УК РСФСР 1960 г., в соответствии с которыми различались исполнитель преступления, организатор, подстрекатель и пособник как самостоятельные виды соучастников, а групповое преступление могло быть совершено группой лиц без предварительного сговора, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. В общие положения института соучастия в преступлении была внесена необходимость установления характера и степени участия каждого из соучастников в совершении преступного деяния.

Подводя итог, следует отметить, что развитие института соучастия в российском

уголовном праве неуклонно шло по пути установления приоритета норм общей части уголовного кодекса над особенной частью, дифференциации видов соучастников в зависимости от выполняемой ими роли, форм соучастия в зависимости от степени согласованности действий соучастников, характера связи между ними и степени общественной опасности проявлений групповой преступности. Именно эта дифференциация приводит к развитию представлений об элементах, составляющих предмет доказывания по делам о групповых преступлениях.

Как совершенно справедливо отмечают многие авторы, исследовавшие проблемы, связанные с институтом соучастия в преступлении [3, с. 204], большое количество сложностей в правоприменительной практике вызвано несовершенством действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства. К числу таких проблем следует отнести, в первую очередь, сложность доказывания таких субъективных признаков, как цель совершения тяжких и особо тяжких преступлений, охват умыслом, и крайнюю неопределенность таких признаков, как устойчивость, сплоченность. Это подтверждается и результатами специально проведенного анкетирования сотрудников правоохранительных органов Красноярского края (прокуратуры, следственного комитета и сотрудников органов внутренних дел), так или иначе связанных с расследованием и рассмотрением дел о преступлениях, совершенных в соучастии. Так, негативно оценивают использование законодателем оценочного признака сплоченности при определении организованных форм соучастия 87,2% опрошенных, сложность доказывания признака устойчивости отмечают 89% респондентов, несовершенство уголовно-процессуального законодательства – 64,3%. Таким образом, необходимость совершенствования законодательной регламентации института соучастия не вызывает сомнения.



Библиографический список

1. Арутюнов, А.А. Институт соучастия: исторический экскурс / А.А. Арутюнов // *Российский следователь*. – 2002. – № 5.
2. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону, 1995.
3. Гаухман, Л.Д. Соучастие в преступлении по советскому законодательству (опыт сравнительного правоведения) : лекция / Я.Д. Гаухман. – М., 1990.
4. Иванов, Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве / Н.Г. Иванов. – Саратов, 1991.
5. Кабельков, С.Н. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям, не исключающим производство по делу : дис. ... канд. юрид. наук / С.Н.Кабельков. – Волгоград, 2001.
6. Ковалев, М.И. Соучастие в преступлении / М.И. Ковалев. – Свердловск, 1960.
7. Колоколов Г. Соучастие в преступлении (О соучастии вообще и подстрекательстве в частности) / Г. Колоколов. – М., 1881.
8. Лаптев, А. Соучастие по советскому уголовному праву / А. Лаптев // *Советская юстиция*. – 1938. – № 23.
9. Неклюдов, Н. Общая часть уголовного права / Н. Неклюдов. – М., 1875.
10. Пионтковский, А.А. Советское уголовное право. Особенная часть / А.А. Пионтковский. – М., 1938.
11. Покаместов, А.В. Организатор преступной деятельности: уголовно-правовое исследование : монография / А.В. Покаместов. – Воронеж, 2001.
12. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая : в 2 т. / Н.С. Таганцев. – М., 1994.
13. Трайнин, А.Н. Учение о соучастии / А.Н. Трайнин. – М., 1941.
14. Шаргородский, М.Д. Вопросы Общей части уголовного права (законодательство и судебная практика) / М.Д. Шаргородский. – Л., 1955.
15. Швеков, Г.В. Первый советский уголовный кодекс / Г.В. Швеков. – М., 1970.
16. Юшков, С.В. Труды выдающихся юристов / отв. ред. О.И. Чистяков. – М., 1989.